

УДК 821.161.1-2: 82(09)

doi 10.17072/2073-6681-2019-1-140-147

ДРАМАТУРГИЯ ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА: АНАЛИЗ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Ольга Игоревна Хайрулинааспирант кафедры новейшей русской литературы
и современного литературного процесса

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, Ленинские горы, 1, стр. 51. olga_richter_kh@mail.ru

SPIN-код: 5852-0071

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-2920-5993>

IstinaResearcherID (IRID): 31662145

Ирина Владимировна Монисовак. филол. н., доцент кафедры новейшей русской литературы
и современного литературного процесса филологического факультета

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, Ленинские горы, 1, стр. 51. monisova2008@yandex.ru

SPIN-код: 7181-6590

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-3072-4267>

IstinaResearcherID (IRID): 7731318

Статья поступила в редакцию 20.11.2018

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:*Хайрулина О. И., Монисова И. В.* Драматургия Леонида Андреева в контексте европейского литературного процесса: анализ отечественных исследований // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2019. Т. 11, вып. 1. С. 140–147. doi 10.17072/2073-6681-2019-1-140-147**Please cite this article in English as:**Khayrulina O. I., Monisova I. V. Dramaturgiya Leonida Andreeva v kontekste evropeyskogo literaturnogo protsesssa: analiz otechestvennykh issledovaniy [Dramaturgy of Leonid Andreyev in the Context of the European Literary Process: Analysis of Domestic Research]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2019, vol. 11, issue 1, pp. 140–147. doi 10.17072/2073-6681-2019-1-140-147 (In Russ.)

Делается попытка систематизировать отечественные исследования драматургии выдающегося писателя Серебряного века Леонида Андреева, в которых его пьесы рассматриваются в контексте европейского литературного процесса и связываются с общеевропейскими и мировыми тенденциями в искусстве, прежде всего экспрессионистскими. Андреев был одним из тех писателей, которые «нащупывали» пути экспрессионизма, шли к нему мировоззренчески и творчески. Не будучи экспрессионистом формально, организационно, он стал предтечей этого явления на русской и европейской литературной и театральной почве. Исследователей все больше интересует разнообразие взглядов на творчество драматурга и «многофронтальное обследование» жизни андреевских пьес в инкультурной среде. Так, в данной статье проведен подробный анализ советских и российских литературоведческих исследований, посвященных месту творчества Леонида Андреева в литературном процессе Европы в различные периоды восприятия его творчества: статей К. В. Дрягина, И. Иоффе, О. Мандельштама, в которых впервые была озвучена связь драматургического творчества Леонида Андреева с немецким экспрессионизмом, работ А. П. Григорьева и Л. Н. Кен, где, несмотря на господствующие в то время социологический и идеологический подходы, можно отчетливо увидеть

преемственность взглядов на творчество Леонида Андреева как на предвещающее экспрессионизм явление, а также современных нам научных исследований В. В. Смирнова, Н. А. Бондаревой и Г. Н. Боевой, в которых проводятся уже более смелые параллели с драматургией европейских авторов конца XIX – начала XX в.

Ключевые слова: драматургия Л. Андреева; инокультурная среда; европейский контекст; рецепция; экспрессионизм.

Обращаясь к анализу творческого метода Леонида Андреева, в том числе и в драматургии, исследователи констатируют сложность и неоднозначность его связей с современными ему литературными течениями и направлениями, а также перманентную творческую эволюцию писателя. На протяжении всего творческого пути менялись его видение литературы, подходы к изображению внешней действительности и внутреннего мира героя, черты стиля и метода. Он прошел путь в драме от философского (в авторском определении, «ретушированного») реализма до «панпсихизма», а позднее исследователи будут причислять его зрелое творчество к экспрессионизму. Андреев был одним из тех писателей, которые «нащупывали» пути экспрессионизма, шли к нему мировоззренчески и творчески. Не будучи экспрессионистом формально, организационно, он стал предтечей этого явления на русской и европейской литературной и театральной почве. «Крик недоумевающего ужаса срывается с уст его героев» [Белый 1994: 439], – писал о творчестве Андреева А. Белый; «безвыходность отчаяния... в Леониде Андрееве является нам в виде... крика», ему «доступны только высшие ноты напряжения звука», – утверждал М. Волошин [Волошин 1907: 3]. Отметим созвучность этих оценок названию серии полотен «Крик» (1893–1910) раннего экспрессиониста Эдварда Мунка. Этим криком одиночества, отчаяния, отчуждения человека было проникнуто все экспрессионистское течение в искусстве, запечатлевшее болезненную реакцию сознания на уродства цивилизации. Напомним, что именно с крика рожающей женщины начинается и криком проклятия завершается пьеса «Жизнь человека», принесшая Андрееву мировую известность. Крик выступает как извещение о рождении новой жизни, обреченной на муки, он символически предвосхищает всю дальнейшую жизнь Человека и снова звучит в отчаянном и бессильном протесте против Судьбы, лишившей его единственного сына.

Мы попытаемся систематизировать те исследования отечественных филологов, в которых драматургия Леонида Андреева рассматривается в русле общеевропейских и мировых тенденций в искусстве. Одним из первых прокомментировал типологическую близость пьес Л. Андреева и немецких экспрессионистов и вообще заговорил

об Андрееве как об экспрессионисте литературовед К. В. Дрягин, опубликовавший в 1928 г. статью «Экспрессионизм в России». Он отмечает, что вопрос о русском экспрессионизме не разработан, поэтому дать картину его развития пока невозможно. «Характернейшие проявления экспрессионистского стиля» можно наблюдать, по его мнению, в типе «леонидоандреевского интеллигента с его издерганными нервами и вечноподавленным состоянием» [Дрягин 1928: 324]. «В метаниях от бытового до ирреалистического», пишет автор, Андреев пришел к некоему новому стилю, причем именно в драме он значительно отступает от традиций символизма и протягивает руку позднейшим течениям. Дрягин выделяет такие черты нового стиля Андреева, как отвлеченная мысль и ирреализм. «Царство голой мысли» и элементы фантастики в драме позволяют, как полагает автор работы, сопоставить пьесы Андреева по методу построения и некоторым чертам стиля с драматургией Георга Кайзера, одного из наиболее известных в то время немецких экспрессионистов. Среди черт, присущих этим художникам, в том числе андреевскому творчеству, Дрягин предлагает выделить алгебраизацию, т. е. сведение конкретного к отвлеченной сущности, вещи к понятию, где образ предстает как логическое и диалектически точное выведение следствий. Термин «алгебраизация» как нельзя лучше подходит к определению типа андреевского повествования и драматургического сюжетосложения, где собирательные образы и обобщенные ситуации являются доминирующими. В этом плане, как подчеркивает Дрягин, на русской почве наиболее близка Андрееву пьеса В. В. Маяковского «Мистерия-Буфф». Среди стилистических приемов драматургии Андреева исследователь выделяет прием схематизации: «Вместо живой личности – отвлеченный тип как сумма нужных и важных с его точки зрения черт» [там же: 328]. Отметим, что все сказанное приложимо не только к драматургии Кайзера, Толлера, Андреева и других драматургов, стоявших у истоков экспрессионизма, но и к творчеству поздних представителей этого стилистического направления в искусстве. Чаще всего Андреев-драматург попадает в исследованиях не только русских, но и немецких ученых в один контекст с младшим современником Э. Толлером, а его условно-аллегорические пьесы, осо-

бенно «Жизнь человека», традиционно сопоставляются с пьесой Толлера «Человек-масса». Образы героев здесь также предельно обобщены и схематизированы, персонажи лишены собственных имен (Женщина, Безымянный, Муж, Рабочие, Банкиры, Тени расстрелянных и т. п.). Как и у Андреева, группа персонажей реализует в сцене единую мысль – полилог фактически становится монологом персонажа-массы. Диалоги в пьесах обоих авторов часто содержат немотивированные переходы от одной темы к другой, не всегда реплика является ответом на предыдущую, «распад диалога» (и Дрягин вскользь упоминает об этом) подчеркивает мысль драматургов о хаотичности, абсурдности жизни, что свидетельствует о влиянии на драматургов некоторых принципов «новой драмы».

Нельзя пройти мимо того факта, что близость названных драматургов отмечалась и раньше, в частности литераторами. Так, на русский язык пьеса «Человек-масса» была переведена почти одновременно Адрианом Пиотровским и Осипом Мандельштамом. Через год вышла статья О. Мандельштама «Революционер в театре», посвященная названной пьесе Э. Толлера и ее влиянию на современную русскую литературу. Мандельштам сравнивает ее с андреевской «Жизнью Человека», относя оба текста к типу драматических произведений, «сильных и элементарных, понятных всем и каждому благодаря ясной схематичности действия и грубой, но яркой символике воплощения» [Мандельштам 1993: 283]. Разводя пьесы тематически, автор статьи отмечает прежде всего близость их поэтики.

Схематизацию как принцип построения драмы нового типа Дрягин усматривает и в основе других компонентов пьес, например, элементов интерьера, архитектурных форм сценического пространства, указанных в ремарках (такова в пьесе «Жизнь человека» «четыреугольная комната», выдержанная в «серой, дымчатой» монохромной гамме. Дрягин говорит и о приеме гиперболизации у Андреева и в типологически близких ему пьесах европейских драматургов. Человек практически лишается связи с реальной социальной средой; в описаниях преобладают однотонные цвета: черный, белый, синий; герои представляют собой подчеркнuto овнешненные фигуры с геометрическими пропорциями или линиями лица («крутой подбородок, твердо сжатые губы», «пять сгорбленных старух» – «Жизнь человека»). Как правило, во внешности персонажа (группы) выделяется и гиперболизируется одна черта, которая нередко становится лейтмотивом. Приведенный выше элемент описания наружности персонажа Некогого в сером повторяется в авторских ремарках несколько раз. В пьесе

Андреева «Царь Голод» схематизируется и гиперболизируется по тому же принципу образ рабочих. Данные черты, по мнению Дрягина, сближают Андреева-драматурга с М. Метерлинком (на эту связь будут указывать позднее многие русские и западноевропейские исследователи творчества Андреева). Дрягин упоминает в этой связи пьесу Метерлинка «Слепые» (1890), в которой двенадцать слепых являют собой обобщенно-символический образ человечества, оставленного Богом, слепого и беззащитного. Резюмируя исследование Дрягина, важно отметить, что он одним из первых рассмотрел творчество Андреева, в том числе драматургию, в контексте современной писателю западноевропейской литературы, что, безусловно, очень важно.

Назовем еще одну работу, вышедшую за год до статьи Дрягина. Драматургия Андреева в связи с общеевропейскими модернистскими тенденциями упоминается в ней при разговоре о театре и кинематографе и анализируется не так подробно, однако важен сам факт помещения пьес русского драматурга в этот контекст. Речь идет о монографии И. Иоффе «Культура и стиль» 1927 г. Ее автор отмечает такие черты драматургии Андреева, как заостренность и философичность мысли, гротескность форм, поэтика цветовых контрастов, схематизм образов, статичность картин. Причем Иоффе вынужден «защищать» Андреева от имевших место обвинений в художественной ущербности и безвкусице. Он, как и Дрягин, говорит о своеобразии творчества писателя и видит в указанных чертах его художественной манеры отражение принципов экспрессионизма.

Вскоре в советском литературоведении возобладал социологический и идеологический подход к фактам культуры и искусства. И если при этом устанавливались аналогии с западным модернизмом, то градус оценки произведения только понижался. Именно в этом ключе написана статья Б. Михайловского «Творчество Леонида Андреева», представленная в книге «Русская литература XX века» 1939 г. А затем Андреев как писатель-эмигрант на долгое время был исключен из истории русской литературы. Реабилитация творчества писателя, начавшаяся к концу 50-х гг. (назовем в этой связи книгу Л. Н. Афолина «Леонид Андреев» 1959 г.), привела к заметному оживлению в изучении его произведений, в том числе благодаря снятию многих идеологических барьеров и в интересующем нас аспекте. Среди работ этого периода выделяется статья А. П. Григорьева «Леонид Андреев в мировом литературном процессе», которая была опубликована в 1972 г. в журнале «Русская литература». Григорьев, можно сказать,

продолжает «линию» Дрягина, во многом опираясь на идеи и структуру работы предшественника. В первую очередь он подчеркивает тот факт, что Андреев предвосхитил экспрессионизм как международное художественное явление. Эта мысль, как и в работе Дрягина, проходит через всю статью Григорьева, подкрепляемая новыми фактами. Так, ученый раскрывает специфику экспрессионизма Андреева на примере рассказа «Красный смех» и пьесы «Царь Голод», выделяя такие черты, как «отказ от бытового жизнеподобия, обращение к условным, обобщенным до предела, гиперболизированным, эмоционально насыщенным, полным внутреннего движения образам, с помощью которых он [Андреев] стремился выразить самую суть жизненных явлений» [Григорьев 1972: 51]. Исследователь обобщает отдельные оценки и замечания андреевских современников относительно особенностей его творчества, о котором В. Львов-Рогачевский писал: «Где у Чехова чуть-чуть, там у Андреева чересчур» [Львов-Рогачевский 1923: 71]. Особое внимание в статье Григорьева уделяется пьесам писателя, он считает, что «художественные искания Андреева настойчиво проявились в первую очередь в драматургии» [Григорьев 1972: 7], и приводит в этой связи оценки К. И. Чуковского, которого восхищала смелая манера Андреева, «площадная эстетика», «экспрессивность». Григорьев рассматривает пьесы «Царь Голод», «Анатэма» и «Жизнь человека» как последовательные этапы пути к созданию философско-символической драмы. Он снова ссылается на мнения современников Андреева – М. Горького, А. Н. Луначарского. Они считали «Жизнь человека» плодотворной попыткой автора создать новую форму драмы, а драматургию Андреева в целом – «блестящим примером того, чем должна быть истинная философская драма», – т. е. «философией в образах» [Луначарский 1965: 155]. Можно сказать, что в этой статье немаловажной оказывается и проблема рецепции, хотя Григорьев специально ее не комментирует, но учитывает при анализе момента восприятия пьес современниками. Проводя параллели между Андреевым и европейской драматургией, ученый устанавливает аналогии с такими произведениями, как «Пер Гюнт» Г. Ибсена, трилогия К. Гамсуна «У врат царства» – «Драма жизни» – «Закат». Также Григорьев подчеркивает типологические «сцепления» Андреева с М. Метерлинком и Л. Пиранделло, отмечая успех его пьес в Италии.

Особое внимание уделяет Григорьев сопоставлению театрально-драматургических принципов и произведений Андреева с немецкой драматургией. Так, автор считает, что русский

писатель предвосхитил некоторые театральные идеи Б. Брехта. Он цитирует Андреева: «Ни на одну минуту зритель не должен забывать, что он стоит перед картиной, что он в театре и перед ним актеры» [цит. по: Григорьев 1972: 190]. Это почти точная формулировка брехтовского принципа «остранения» – *Verfremdungseffekt* – (буквально: эффект остранения, очуждения), одного из основополагающих моментов его концепции эпического театра. Андреев не раз в своих письмах акцентировал внимание на принципиальной условности происходящего в его пьесах, называл их «представлениями» и отмечал, что «в этом представлении сцена должна дать только отражение жизни». «Предпосылкой для возникновения отчуждения, – писал Брехт, – является следующее: все то, что актеру нужно показать, он должен сопровождать отчетливой демонстрацией показа» [Брехт 1965: 102]. Наряду с концептуальным и конструктивным сходством драматургов Григорьев также отмечает различия: целью театра Брехта является пробудить у зрителя желание изменить мир, а в пьесах Андреева чувствуется скорее отпечаток фатализма. В то время как Брехт практически полностью отказывается от мистики, Андреев смешивает ирреальное с реальным, символический план с конкретным.

Важный факт и то, что исследователь упоминает в своей работе труды зарубежных критиков о творчестве Л. Андреева. Например, выделяет работу немецкого исследователя М. Беверниса «К восприятию Леонида Андреева в Германии», опубликованную в 1966 г., и исследование А. Кауна «Леонид Андреев», написанное в 1924 г. в США. Таким образом, Григорьев одним из первых заговорил о рецепции творчества Андреева после того, как вульгарно-социологические взгляды на немецкий экспрессионизм были преодолены и облик Андреева как писателя, некоторыми сторонами своего творчества предвосхитившего левое движение в экспрессионизме, стал заново проясняться.

В 1975 г. в Курске выходит «Андреевский сборник», в который была включена статья Л. Н. Кен «Леонид Андреев и немецкий экспрессионизм». В ней исследователь ставит перед собой задачу определить тип творчества писателя. В разрешении данного вопроса она обращается к опыту предшествовавших исследований и оценкам современников писателя. Так, Кен констатирует, что Вересаев, Горький и Чуковский находили «признаки глубоких самобытных произведений Андреева» [Кен 1975: 47], приводит высказывания и отзывы о творчестве Андреева некоторых исследователей начала XX в. В 1923 г., когда в России были изданы пьесы немецких экспрессионистов Г. Кайзера («Коралл») и

Э. Толлера («Человек-масса»), в предисловиях к ним и рецензиях отмечалась близость с драматургией Андреева. Так, А. Пиотровский в предисловии к пьесе Толлера писал, что многие черты экспрессионизма уже были знакомы русскому читателю, в частности, по творчеству Л. Андреева и «суховатая схематичность Толлера близка к манере Леонида Андреева». Б. Гимельфарб, автор предисловия к пьесе «Коралл» Г. Кайзера, проводит те же аналогии: «Леонид Андреев в «Жизни человека» тоже дал схематичное линейное изображение «философии», но с гораздо большей монументальностью. Только его манера не называлась тогда экспрессионизмом». Далее Кен обращается к работе К. В. Дрягина, анализируя ее как одну из важнейших для понимания явления экспрессионизма на русской почве, а также делает обзор творческого наследия немецких экспрессионистов, отмечая свойственные им черты: «острое восприятие общественной ломки, подлинное страдание за себя и все человечество, стремление поведать миру о своей тревоге за судьбы людей, приобщить окружающих к своим мыслям и чувствам» [Кен 1975: 50]. Важно заметить, что в статье Кен предпринята попытка посмотреть на экспрессионистское творчество Андреева с точки зрения рецепции его произведений в России и Германии. Не располагая какими-либо определенными свидетельствами о связях Андреева с экспрессионистами, она предполагает, что немецкие писатели могли читать произведения Андреева и видеть их постановки на сценах Германии. Но в любом случае, по мнению Кен, можно «поражаться удивительной переключке мыслей, идей, образов, приемов» [там же: 53]. Среди таких художественных приемов автор выделяет прежде всего однолинейность в изображении характеров и душевных состояний; специфическую (как правило, контрастную) цветопись и звукопись; «жесткие изломы»; преднамеренность, заданность в резком противопоставлении образов; гиперболизацию; намеренное нарушение пропорций; прием монтажа.

Учитываются, хотя и подробно не разбираются экспрессионистские тенденции в творчестве Андреева в исследованиях Ю. В. Бабичевой, Ю. В. Беззубова, В. А. Келдыша, Л. А. Иезуитовой. В 1997 г. в журнале «Русская литература» выходит статья В. В. Смирнова «Проблема экспрессионизма в России. Андреев и Маяковский». Автор статьи проводит типологическое исследование творчества Андреева и Маяковского в аспекте экспрессионизма. Смирнов видит своей задачей рассмотреть экспрессионизм в России как особый художественный метод, связанный с новым типом сознания рубежа XIX–XX вв. Он определяет экспрессионизм как «перманентную

психологическую катастрофу, иррационализм, предельную эмоциональность сознания, дрящущийся «крик» – переживание окончательной всеобъемлющей утраты и абсолютного одиночества» [Смирнов 1997: 61]. Данное определение указывает и на связь с философией и литературой экзистенциализма, так как идея «абсолютного одиночества» возникла также в работах А. Камю и Ж. П. Сартра. Упоминание Смирновым этой черты экзистенциализма в контексте экспрессионизма позволяет утверждать, что эти два литературных явления имели общую основу. Говоря об экспрессионизме как о явлении искусства, автор статьи не раз делает акцент на том, что переживания, эмоции и аффекты являются «единственной несомненной истиной произведения», а иррациональное сознание экспрессиониста не акцептирует действительность как систему значений. Целью экспрессионизма, по мнению Смирнова, является «воплощение сна кошмарного и райского» [там же: 58], и это мотивирует обращение художников к гротескным формам. Напомним, что до середины XX в. термин «гротеск» употреблялся в литературе и искусстве применительно к творчеству Гофмана, Гоголя, Босха, Гойи, но в 50–60-е гг. XX в. понимание данного термина претерпевает изменения и расширяется. Это связано с публикацией в 1957 г. в Германии работы Вольфганга Кайзера «Гротеск: его воплощение в живописи и литературе» и выходом в 1965 г. книги М. М. Бахтина «Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса» (глава «Гротескный образ у Рабле и его источники»). Возвращаясь к статье Смирнова, отметим те черты мировоззрения и творчества Андреева, которые, по мнению исследователя, позволяют отнести его к экспрессионистам. Кроме личностных черт писателя, таких как самоощущение «изгоя» и «отщепенца», неприкаянность и «чувство постороннего», он подчеркивает религиозность писателя, «острое ощущение присутствия в мире дьявола» [Смирнов 1997: 61], а также ирреальность замысла многих его произведений, стремление показать не событие, а его «настроение», что мотивирует обращение к форме отрывка, аллегоричность, схематизм и плакатность текстов. Таким образом, Смирнов в своей статье уверенно причисляет Андреева к писателям экспрессионистской направленности.

В последние годы интерес к творчеству Андреева среди исследователей русской литературы, и драматургии в частности, не снижается. Особо отметим диссертации, посвященные теме влияния экспрессионизма на творчество Л. Андреева и сопоставительному исследованию его пьес с немецкой драматургией XX в. Так, в 2003

и 2005 гг. соответственно в Липецке и Орле были защищены три кандидатские диссертации: Н. Ю. Филоненко – «Становление и развитие поэтики экспрессионизма в творчестве Л. Н. Андреева», О. В. Вологина – «Творчество Леонида Андреева в контексте европейской литературы конца XIX – начала XX веков» и Н. А. Бондарева – «Творчество Л. Андреева и немецкий экспрессионизм». В данных работах освещаются такие аспекты, как психология творчества и проблемы освоения художественных традиций Андреева, становление художественного метода писателя, путь от реализма к экспрессионизму, явление синтеза искусств его творчестве. Авторы уделяют место и типологическим связям произведений Леонида Андреева и Г. Ибсена, М. Метерлинка, Э. По, Г. Кайзера и др.

Особую ценность представляют сборники «Леонид Андреев. Исследования и материалы», выпущенные ИМЛИ РАН. На данный момент было осуществлено два выпуска: первый – в 2000, второй – в 2012 г. В первом сборнике основное место отводится статьям по исследованию прозы и драматургии Леонида Андреева в русском контексте, но помимо них составители включили статью ««Жизнь Человека» на польской сцене» И. Альберта, отражающую рецептивный подход к драматическому творчеству писателя. Второй сборник базируется как раз на рецептивном подходе: восприятию творчества Андреева в разных национальных культурах и в контексте различных литературных традиций посвящен отдельный раздел. В нем анализируются рецепция произведений (в том числе пьес) Андреева в США, Болгарии, Франции, Польше, Бельгии, Испании, Финляндии, странах Скандинавии, Китае и Венгрии; есть статья об особенностях перевода и интерпретации творчества Леонида Андреева на иврите и идише. Отметим, что в сборнике отсутствует материал на наиболее очевидную тему – о рецепции творчества Андреева в Германии и немецкоязычных странах, возможно, такая работа ждет своего выхода в свет.

В последнее десятилетие был опубликован ряд работ, также касающихся в той или иной мере типологических связей драматургии Л. Андреева с европейским литературным процессом конца XIX – начала XX в. Прежде всего назовем недавно вышедшую монографию Г. Н. Боевой «Творчество Леонида Андреева и эпоха модерна» (2016), в которой устанавливаются многообразные сближения прозы, а в некоторых случаях и драматургии писателя с произведениями современников. При этом кроме глав, посвященных сравнительно-литературоведческим исследованиям на отечественном поле (Андреев и Горький, Сологуб, Бунин, авангардисты, еврей-

ская литература), в книге есть раздел «Творчество Андреева в контексте литературы европейского модерна». Так, автор проводит параллели между творчеством Л. Андреева и литературным наследием К. Гамсуна, Г. Ибсена, А. Стриндберга, С. Пшибышевского, Д. Лондона. Говоря о связях Андреева с немецкой драматургией, Боева в первую очередь выделяет пьесы Г. Гауптмана, которые имели большой успех на российской сцене и затронули Л. Андреева: «Возчик Геншель», «Потонувший колокол», «Михаэль Крамер», «Ткачи», «Одинокие». Известно, что в 1906 г. после просмотра «Ткачей» в Берлине Л. Андреев значительно изменил план своей пьесы «Савва». Необходимо упомянуть также работы В. Терехиной «Экспрессионизм в русской литературе первой трети XX века» (2009) и Л. И. Шишкиной «Творчество Леонида Андреева в контексте культуры XX века» (2009), в которых творчество писателя рассматривается сквозь призму экспрессионизма. Шишкина отмечает, что в андреевском портрете бытовая конкретика внешних деталей заменена экспрессионистской выразительностью развернутых ассоциативных сравнений, создающих общее впечатление от образа.

Таким образом, в последние годы интерес к исследованию художественного метода Андреева-драматурга в контексте европейского литературного процесса очевиден, как и интерес к проблемам рецепции творчества Андреева в других странах и типологическим связям его произведений с творчеством зарубежных писателей. Исследователей все больше интересует «стереоскопическое разнообразие точек зрения» на драматурга и «многофронтальное обследование» жизни андреевских пьес в инокультурной среде [Леонид Андреев: материалы и исследования 2012: 4].

Список литературы

- Афонин Л. Н.* Леонид Андреев. Орел, 1959. 104 с.
- Бабичева Ю. В.* Драматургия Л. Андреева эпохи первой русской революции. Вологда, 1971. 186 с.
- Бахтин М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Худож. лит., 1990. С. 335–407.
- Безубов В.* Леонид Андреев и традиции русского реализма. Таллин, 1984. 336 с.
- Бельий А.* Критика. Эстетика. Теория символизма: в 2 т. М.: Искусство, 1994. Т. 2. 572 с.
- Боева Г. Н.* Творчество Леонида Андреева и эпоха модерна. СПб.: Петрополис, 2016. 520 с.
- Бондарева Н. А.* Творчество Л. Андреева и немецкий экспрессионизм: дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2005. 205 с.

Брехт Б. Театр. М.: Искусство, 1965. Т. 5, ч. 2. С. 102–103.

Вологина О. В. Творчество Леонида Андреева в контексте европейской литературы конца XIX – начала XX веков: дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2003. 212 с.

Волошин М. А. Леонид Андреев и Федор Сологуб // Русь. 1907. № 340. С. 3–4.

Григорьев А. Л. Леонид Андреев в мировом литературном процессе // Русская литература. 1972. № 3. С. 190–204.

Дрягин К. В. Экспрессионизм в России // Труды Вятского пединститута. Вятка, 1928. Т. 3, вып. 4. С. 324–328.

Иезутова Л. А. Творчество Л. Андреева (1892–1906). Л., 1976. 240 с.

Иоффе И. Культура и стиль. Л., 1927. 368 с.

Кен Л. В. Леонид Андреев и немецкий экспрессионизм // Андреевский сборник. Исследования и материалы / под науч. ред. Л. Н. Афонина. Курск, 1975. Т. 37. 262 с.

Леонид Андреев: исследования и материалы, вып. 1. М.: ИМЛИ РАН, 2000. 415 с.

Леонид Андреев: исследования и материалы. М.: ИМЛИ РАН, 2012. Вып. 2. 384 с.

Луначарский А. В. Сочинения: в 8 т. М., 1965. Т. 5. 412 с.

Мандельштам О. Э. Собрание сочинений: в 4 т. М.: Арт-Бизнес-Центр, 1993. Т. 2. 703 с.

Михайловский Б. В. Творчество Л. Андреева // Русская литература XX века. М., 1939. С. 319–332.

Смирнов В. В. Проблемы экспрессионизма в России // Русская литература. 1997. Вып. 2. С. 55–63.

Терехина В. Н. Экспрессионизм в русской литературе первой трети XX века. М.: ИМЛИ РАН, 2009. 320 с.

Филоненко Н. Ю. Становление и развитие поэтики экспрессионизма в творчестве Л. Н. Андреева 1898–1908 годов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Липецк, 2003. 18 с.

Шшикина Л. И. Творчество Леонида Андреева в контексте культуры XX века. СПб.: Изд-во Северо-Западной академии гос. службы, 2009. 219 с.

Kauser W. Das Grotteskein Malerei und Dichtung Oldenburg-Hamburg Staling, 1957. 157 p.

References

Afonin L. N. *Leonid Andreev* [Leonid Andreev]. Orel, 1959. 104 p. (In Russ.)

Babicheva Yu. V. *Dramaturgiya L. Andreeva epokhi pervoy russkoy revolyutsii* [L. Andreev's dramaturgy of the first Russian revolution period]. Vologda, 1971, 186 p. (In Russ.)

Bakhtin M. M. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura Srednevekov'ya i Renessansa* [François Rabelais' works and folk culture of the

Middle Ages and the Renaissance]. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1990, pp. 335–407. (In Russ.)

Bezzubov V. *Leonid Andreev i traditsii russkogo realizma* [Leonid Andreev and traditions of the Russian realism]. Tallinn, 1984, 336 p. (In Russ.)

Belyy A. *Kritika. Estetika. Teoriya simvolizma: v 2 t.* [Criticism. Aesthetics. Theory of symbolism: In 2 vols.]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1994, vol. 2. 572 p. (In Russ.)

Boeva G. N. *Tvorchestvo Leonida Andreeva i epokha moderna* [Leonid Andreev's works and the modern era]. St. Petersburg, Petropolis Publ., 2016. 520 p. (In Russ.)

Bondareva N. A. *Tvorchestvo L. Andreeva i nemetskiy ekspressionizm*. Diss. ... d-ra filol. nauk [Leonid Andreev's works and German expressionism. Dr. philol. sci. diss.]. Orel, 2005. 574 p. (In Russ.)

Brekht B. *Teatr* [Theater]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1965, vol. 5, pt. 2, pp. 102–103. (In Russ.)

Vologina O. V. *Tvorchestvo Leonida Andreeva v kontekste evropeyskoy literatury 19-20 vekov*. Diss. kand. filol. nauk [Leonid Andreev's works in the context of the European literature of the 19th–20th centuries. Cand. philol. sci. diss.]. Orel, 2003. 212 p. (In Russ.)

Voloshin M. A. Leonid Andreev i Fedor Sologub [Leonid Andreev and Fedor Sologub]. *Gazeta 'Rus'* [Newspaper 'Rus'], 1907, issue 340, pp. 3–4. (In Russ.)

Grigor'ev A. L. Leonid Andreev v mirovom literaturnom protsesse [Leonid Andreev in the world literary process]. *Russkaya literatura* [Russian Literature], 1972, issue 3, pp. 190–204. (In Russ.)

Dryagin K. V. *Ekspressionizm v Rossii* [Expressionism In Russia]. *Trudy Vyatskogo pedinstituta im. Lenina* [Proceedings of Vyatka Pedagogical Institute named after Lenin], Vyatka, 1928, vol. 3, issue 4, pp. 324–328. (In Russ.)

Iezuitova L. A. *Tvorchestvo L. Andreeva (1892–1906)* [L. Andreev's works (1892–1906)]. Leningrad, 1976. 240 p. (In Russ.)

Ioffe I. *Kul'tura i stil'* [Culture and style]. Leningrad, 1927. 368 p. (In Russ.)

Ken L. V. Leonid Andreev i nemetskiy ekspressionizm [Leonid Andreev and German expressionism]. *Andreevskiy sbornik. Issledovaniya i materialy* [Andreev's anthology. Studies and materials]. Ed. by L. N. Afonin. Kursk, 1975, vol. 37. 262 p. (In Russ.)

Leonid Andreev: issledovaniya i materialy. Vyp. 1 [Leonid Andreev: studies and materials. Issue 1]. Moscow, IWL RAS Publ., 2000. 415 p. (In Russ.)

Leonid Andreev: issledovaniya i materialy. Vyp. 2 [Leonid Andreev: studies and materials. Issue 2]. Moscow, IWL RAS Publ., 2012. 384 p. (In Russ.)

Lunacharskiy A. V. *Soch. v 8 t.* [Works in 8 vols.]. Moscow, 1965, vol. 5. 412 p. (In Russ.)

Mandelstam O. E. *Sobranie sochineniy: v 4 t.* [Collected works: in 4 vols.]. Moscow, Art Biznes Tsent Publ., 1993, vol. 2. 703 p. (In Russ.)

Mikhailovskiy B. V. *Tvorchestvo L. Andreeva* [L. Andreev's works]. *Russkaya literatura 20 veka* [Russian literature of the 20th century]. Moscow, 1939, pp. 319–332. (In Russ.)

Smirnov V. V. *Problemy ekspressionizma v Rossii* [The problems of expressionism In Russia]. *Russkaya literatura* [Russian Literature], 1997, issue 2, pp. 55–63. (In Russ.)

Terekhina V. N. *Ekspressionizm v russkoy literature pervoy treti 20 veka* [Expressionism In Russian literature of the first third of the 20th century]. Moscow, IWL RAS Publ., 1939, pp. 319–332. (In Russ.)

Filonenko N. Yu. *Stanovlenie i razvitie poetiki ekspressionizma v tvorchestve L. N. Andreeva 1898–1908 godov.* Avtoreferat diss. kand. filol. nauk [Formation and development of expressionism poetics in the works of L. N. Andreev of 1898–1908. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Lipetsk, 2003, pp. 23–50. (In Russ.)

Shishkina L. I. *Tvorchestvo Leonida Andreeva v kontekste kultury 20 veka* [Leonid Andreev's works in the context of the 20th century culture]. St. Petersburg, North-West Academy of Public Administration Publ., 2009. 219 p. (In Russ.)

Kayser W. *Das Grotteske in Malerei und Dichtung* [The Grotesque in Art and Literature]. Oldenburg-Hamburg, Staling, 1957. 157 p. (In Germ.)

DRAMATURGY OF LEONID ANDREYEV IN THE CONTEXT OF THE EUROPEAN LITERARY PROCESS: ANALYSIS OF DOMESTIC RESEARCH

Olga I. Khayrulina

Postgraduate Student in the Department of Modern Russian Literature and Modern Literary Process
Lomonosov Moscow State University

1, Leninskie Gory, GSP-1, Moscow, 119991, Russian Federation. olga_richter_kh@mail.ru

SPIN-code: 5852-0071

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-2920-5993>

IstinaResearcherID (IRID): 31662145

Irina V. Monisova

Associate Professor in the Department of Modern Russian Literature and Modern Literary Process
Lomonosov Moscow State University

1, Leninskie Gory, GSP-1, Moscow, 119991, Russian Federation. monisova2008@yandex.ru

SPIN-code: 7181-6590

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-3072-4267>

IstinaResearcherID (IRID): 7731318

Submitted 20.11.2018

The article makes an attempt to systematize the domestic studies of the dramaturgy of the outstanding writer of the Silver Age period Leonid Andreyev in which his plays are considered in the context of the European literary process and are associated with European and worldwide trends in art, especially expressionist ones. Leonid Andreyev was one of those writers who 'groped' the way of expressionism through his world view and creative work. Not formally being an expressionist, organizationally, he became the precursor of this phenomenon in Russian and European literature and theatre. Researchers are increasingly interested in the diversity of views on the work of the playwright and 'multi-frontal examination' of the life of Leonid Andreyev's plays in a foreign cultural environment. This article provides a detailed analysis of the Soviet and Russian literary studies of the place of Leonid Andreyev's oeuvre in the literary process of Europe in different periods of the perception of his work: articles of Konstantin Dryagin, Ieremiya Ioffe, Osip Mandelstam, which first announced the connection between Leonid Andreyev's dramatic writing and German expressionism; works of Alexey Grigoriev and Lyudmila Ken, where, despite the sociological and ideological approaches prevailing at that time, one can clearly see the continuity in views on the work of Leonid Andreyev as a phenomenon being a forerunner of expressionism; modern scientific research by Vladimir Smirnov, Natalia Bondareva and Galina Boeva, who dare to draw more direct parallels with the drama of European authors of the late 19th – early 20th centuries. In the article, we attempt to systematize those studies of Russian philologists in which Leonid Andreyev's dramaturgy is considered in line with European and global trends in art.

Key words: dramaturgy of Leonid Andreyev; foreign cultural environment; European context; perception; expressionism.